

ТЮРКСЬКИЙ СВІТ У ЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ ПРОСТОРАХ ЄВРАЗІЇ

О. Б. Бубенок

ОГУЗСКИЙ ФАКТОР В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ЮЖНОЙ РУСИ

...” [1906, 42].

...” [1906, 42].

...” [1884, 150–151].

...” [1884, 153–154].

...” [1884, 150–151].

” [2012, 20]. . . , -
“ ” [2012, 36]. , , -
: “ ; ; -
II ; XI -
XII ., ; XII -
[2012, 37]. , ; XI -
: «... -
“ ” “ ” “ ” ;
“ ” (. .).
» [2012, 37–38]. -
: “
...
...” [1998, 152–153, 154]. ,
[1998, 151–152]. . . [1998, 157–163]. [, -

“ (, , I – II – -
, , .) - -
, , , - -
, - , , - -
” [2008, 58]. , . , .
, «
(. – О. Б.) - -
“ ”, - -
»
[2008, 228].
, , XIX – XXI . - -
, , - -
, - -
, - -
, - -
, - -
, - -
, - -
XIII . - -
, , - -
, (170–171) . “ - -
, - , - -
, - -
” : “) ; - -
) , “ XII . ” - -
, “ , ” [2001, 113–114]. - -
, - -
XIII . - -

1

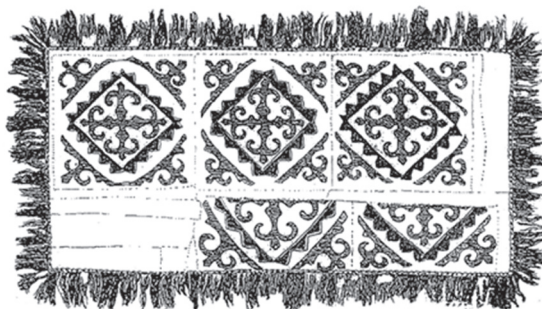

2

Рис. 1. Орнаменты украинских и туркменских ковров: 1 – украинский килим XIX в. из Полтавщины (по данным Я. П. Запаско); 2 – орнамент йомудского ковра (по данным О. Гундогдыева)

1

2

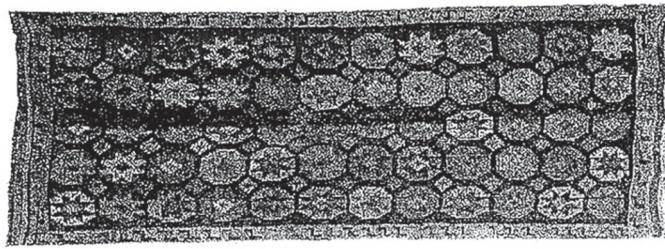
Рис. 2. Орнаменты украинских и туркменских ковров: 1 – украинский килим XIX в. из Черкащины (по данным Я. П. Запаско); 2 – туркменская кошма начала XX в. (по данным О. Гундогдыева)

удар на Волжскую Болгарию, предварительно заключил союз с огузами (“торки” русских летописей), которые согласились участвовать в военном походе...» [Гундогдыев 1999, 105–106].

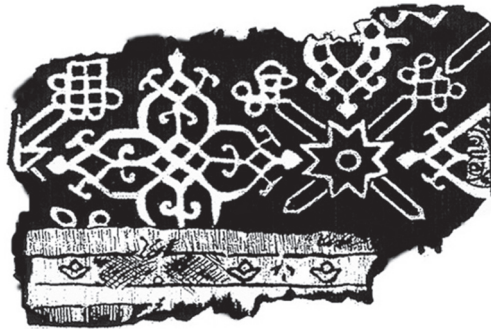
В более позднее время, по мнению О. Гундогдыева, особое место в Южной Руси занимала огузская группа *баяндыр*: “Среди огузских племен на Руси (баяндыр, кайы, баят) особенно выделялись берендеи (баяндыр). Они славились своим боевым мастерством. Русские князья приглашали их для помощи и отражения сил внутренних и внешних врагов. Баяндыры сильно помогали князьям в борьбе против половцев. Например, в 1156 г. при Великом князе Георгии на Днепре баяндыры наголову разбили половцев и многих взяли в плен...” [Гундогдыев 1999, 106]. Естественно, что такое близкое сотрудничество жителей Южной Руси с огузами могло способствовать в передаче от последних к первым многих навыков, например в области коневодства. Остается лишь уточнить, сохранили ли украинцы от своих предков эти традиции?

Сравнительный анализ этнографических данных об украинцах и туркменах позволяет в определенной степени допустить это. Так, С. Рудик сообщает, что в Голодную кутью, на 18 января, украинцы центральных областей Украины имели традицию заходить в хлев и благославляли при этом животных, раздавая им кусочки хлеба. На другой день, по его словам, “выводили молодых жеребят и волов, чтобы объездить – приучить к будущему труду”. По данным С. Рудика, «На Полтавщине в этот день учили коней и молодых волов. На молодых конях ездили по кругу, пока они не покрывались потом, после этого их кропили “иорданской водой”, чтобы они были здоровые и послушные» [Рудик 2005, 109–110]. Аналогичные традиции можно отметить и у туркмен.

О. Гундогдыев видел в туркменских коневодческих традициях очень древнюю основу, восходящую, по его мнению, ко временам хеттов. В частности, он отметил: «...стоит привести доказа-

1

2

Рис. 3. Орнаменты украинских и туркменских ковров:
1 – украинский килим XIX в. из Подолии
(по данным Б. Крыжановского);
2 – фрагмент древнего туркменского ковра
(по данным О. Гундогдыева)

Предположение о связи ковровых изделий, столь отдаленных друг от друга территориально, находит себе подтверждение и в технике. Именно эти счетные килимы Центральной Украины, одни из всех украинских килимов, ткются на горизонтальных станках, как ковры Средней Азии, в то время как килимы цветочные в Центральной Украине и все западно-украинские килимы ткются на станках вертикальных, как ковры Персии, Малой Азии и Кавказа...” [Крыжановский 1926, 30].

Однако исследователь так и не смог точно сказать, кто принес в Центральную Украину традицию изготовления звездчатых ковров. В конечном итоге Б. Крыжановский высказал предположение: “...мы здесь несомненно имеем дело не с заимствованием, а с культурной связью широких народных масс местного населения с племенами, выработавшими этот

тип ковров. Были ли это турецкие кочевые племена – сказать нельзя. Можно только утверждать, что эти кочевники были последними, от кого предки современных украинцев могли заимствовать эти ковры. Но выработан этот тип ковров мог быть гораздо раньше, еще в до-турецкие времена, иранским населением Туркестана, а значит, и распространяться он мог гораздо раньше. Наконец, нельзя быть уверенным, что родиной звездчатых ковров была Средняя Азия: для такого утверждения еще слишком мало теперешнего существования там этого типа ковров. Он мог выработаться где-либо в другом месте и потом широко распространиться, а Туркестан, как и украинские степи, – только остатки прежней территории его существования...” [Крыжановский 1926, 43].

Необходимо отметить, что звездчатый орнамент – очень редкое явление для традиционных туркменских ковров. Однако это вовсе не исключает посредничества древних огузов в его распространении. И для этого предположения есть определенные основания. Как удалось установить О. Гундогдыеву, среди туркмен сохранился один из древнейших видов войлочных ковров – кошма. Характерно, что кошмы сохранили и древний орнамент в виде астральных символов, которые изображали солнце, звезды и т. п. [Гундогдыев 2008, 77–83]. К этому следует добавить, что исследователю удалось зафиксировать на орнаменте одного из древних туркменских ковров изображения звезд (рис. 3, 2), аналогичные тем, которые встречаются на килимах Центральной Украины (рис. 3, 1) [Гундогдыев 2008, 37].

Поэтому ничто не мешает нам допустить, что ковры со звездчатым орнаментом могли появиться на территории Южной Руси в домонгольский период благодаря присутствию здесь тюркоязычных выходцев из Центральной Азии – печенегов, торков, половцев. Постоянное нахождение на южных границах Руси черных клобуков могло способствовать проникновению в славянскую среду нового культурного явления – ковров

со звездчатым орнаментом. Эта инновация со временем была усвоена предками украинцев, и впоследствии килимы со звездчатым орнаментом Центральной Украины стали характерной традиционной чертой местной культуры.

Особый интерес могут представлять также элементы одежды жителей Южной Руси и украинцев Поднепровья, что находит аналогии и среди одежды туркмен. Это касается в первую очередь мужских головных уборов. По данным Т. А. Николаевой, одним из элементов мужской одежды на Руси были “вязаные, плетеные или валяные клобуки” [Николаева 1986, 86].

Существует мнение, что на Руси до 988 г. ношение головных уборов в повседневном быту не практиковалось. И только с принятием христианства данная традиция получила распространение. Именно в этот период стали носить высокие головные уборы сферической и конусовидной формы с меховым околышем [Маслова 1956, 597], изображения которых мы видим, например, на фресках Софийского собора (рис. 4).

Кроме того, у украинцев в недалеком прошлом имели широкое распространение высокие меховые шапки конической и полусферической форм (рис. 5), получившие название “кучма”. Безусловно, данный тип головного убора является древнейшим, ибо получил распространение уже среди кочевников скифской эпохи [Калоев 1967, 152]. В период раннего Средневековья данный тип головного убора имел распространение и среди жителей Хорезма. Это даже заставило Д. К. Зеленина высказать предположение, что высокие остроконечные головные уборы восточные славяне могли воспринять от хорезмийцев через посредство волжских булгар [Зеленин 1991, 251–252]. Однако этому сходству найдутся и другие объяснения.

Так, во времена Средневековья остроконечные шапки продолжали бытовать и среди аланов Северного Кавказа. Свидетельством этого являются находки из катакомб Змейского могильника [Калоев 1967, 152]. К этому следует добавить, что остроконечные головные уборы имели широкое распространение и среди средневековых кочевников Евразийской степи. Поэтому не исключена возможность посредничества в распространении остроконечных шапок среди славян и со стороны тюркоязычных кочевников.

Кроме того, следует отметить, что у украинцев получили распространение не только меховые шапки конической формы – “кучма”, но и другой тип головных уборов – меховые шапки цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока. География распространения меховых шапок на территории Украины такова: на юге и юго-востоке были распространены конические и полусферические формы, на севере – цилиндрические [Матейко, 1977, 69–70].

Если принять во внимание факт пребывания в позднее Средневековье в Среднем Поднепровье переселенцев с Кавказа, известных под именем черкасов [Горленко 1982, 96–106], то становится понятной причина распространения именно там головных уборов цилиндрической формы. К этому

Рис. 4. Семья Ярослава Мудрого на фреске Киевского Софийского собора XI в.

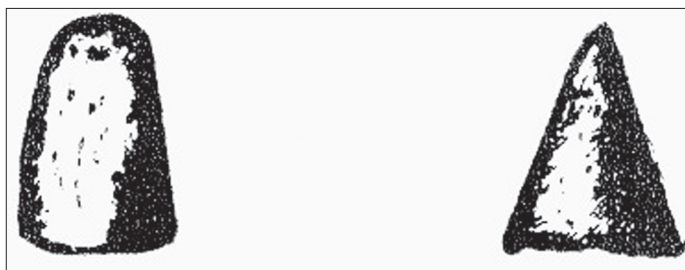

Рис. 5. Головные уборы украинцев – кучма (по данным Г. С. Масловой)

Рис. 6. Миниатюра Радзивилловской летописи

ности в Подольской, Екатеринославской, Херсонской и Бессарабской губерниях [Матейко 1977, 70]. Однако, как мы видим, такие головные уборы имели распространение в предмонгольский период и среди населения Среднего Поднепровья, где кроме славян проживали черные клобуки. Отсюда возникает вопрос: не могли ли славяне воспринять остроконечные головные уборы – клобуки непосредственно от черных клобуков? Этнографические данные о туркменах позволяют считать, что в прошлом данный тип этого древнего головного убора имел распространение и среди огузов.

Так, А. Бахтиаров зафиксировал у туркменского племени *улам* (алан) существование этого древнего головного убора: “По заявлению стариков, в далеком прошлом папахи аланов формой напоминали шапки русских казаков – высокие, с верхом из цветной материи, при чем преобладал цвет синий и красный” [Бахтиаров 1930, 39]. По данным А. Джикиева, “у туркмен човдурского, или так называемого хесеновского, племенного союза сохранились высокие тубетейки конической формы, которые по виду поразительно сходны с древними скифскими боевыми шлемами” [Джикиев 1977, 26]. Г. П. Васильева особо отметила девичью шапочку туркмен, “обильно украшенную серебряными монетами и имеющую куполообразное навершие с подвесками”, которые находят сходство с девичьими уборами башкир и чувашей. Существующие аналогии даже позволили исследователю сделать вывод, что “это – просто тип скифского воинского шлема” [Васильева 1977, 99]. Б. А. Калоев также обратил внимание на сходство высоких головных уборов народов Средней Азии со шлемообразными головными уборами древних ираноязычных народов [Калоев 1999, 70]. То, что высокие остроконечные головные уборы – клобуки имели распространение среди торков Южной Руси, т. е. черных клобуков, подтверждают и изображения на миниатюрах Радзивилловской летописи (рис. 6). Следовательно, у нас есть основания считать, что в Южной Руси моду на ношение высоких остроконечных головных уборов – клобуков могли занести огузы, среди которых получил распространение именно этот тип головных уборов, вследствие чего их и назвали “черные клобуки”.

Таким образом, уже предварительное сопоставление некоторых этнографических данных о традициях жителей Южной Руси и украинцев со сведениями о быте туркмен позволяет говорить в определенной степени о воздействии огузов на культуру и быт славян Среднего Поднепровья в древнерусское время. Нам кажется, что данное направление этнографических исследований является весьма перспективным. Это в определенной степени подтверждает предположения исследователей, что в древнерусский период культура славянского населения Среднего Поднепровья испытала существенное воздействие со стороны племен черноклобуцкой конфедерации, часть из которых уже накануне прихода монголов была ассимилирована славянами.

ЛИТЕРАТУРА

- Балушок В. *Українська етнічна спільнота: етногенез, історія, етнімія*. Біла Церква, 2008.
Бахтиаров А. Осколки “исчезнувших” аланов // *Туркменоведение*, 1930, № 8–9.

- Васильева Г. П. // Проблемы этногенеза туркменского народа. , 1977.
- Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. – , 1884.
- Горленко В. Ф. XVIII – XIX . // Советская этнография, 1982, 3.
- Грушевський М. Історія України-Руси. . П. , 1992.
- Гундогдыев О. Прошлое туркмен. , 1998.
- Гундогдыев О. Конь и конница у туркмен. , 1999.
- Гундогдыев О. Из истории туркменского ковроделия. , 2008.
- Джигиридзе А. Очерк этнической истории и формирования населения Южного Туркменистана. , 1977.
- Ефименко А. Я. История украинского народа. - , 1906.
- Запаско Я. Українське народне килимарство. , 1973.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. , 1991.
- Калоев Б. А. Осетины. , 1967.
- Калоев Б. А. // - . . Осетинские историко-этнографические этюды. , 1999.
- Костомаров Н. И. Две русские народности. – , 1991.
- Крыжановский Б. // Материалы по этнографии. . III. . 1. , 1926.
- Маслова Г. С. XIX – XX . // Восточнославянский этнографический сборник (. . XXXI). , 1956.
- Матейко К. І. Український народний одяг. , 1977.
- Моргунов Ю. Ю. “ ” // Российская археология, 2000, 1.
- Ніколаєва Т. О. // Етнографія Києва і Київщини: . , 1986.
- Отрощенко В. В., Вовк Т. А. // Етноси України. Тюркський світ. , 2000.
- Расовский Д. А. // . . . Половцы, Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет). , 2012.
- Рудик С. К. Тварини в житті та побуті українського народу. , 2005.
- Сеґеда С. Антропологічний склад українського народу. . , 2001.
- Скрипник Г. А. () // Етнографія Києва і Київщини: . , 1986.
- Толочко П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. , 1999.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. , 1966.